

В Киеве установят мемориальную доску в честь Мандельштама

Крещатик, 1920-е

В столице Украины установят мемориальную доску в честь Осипа Мандельштама и его жены Надежды Мандельштам (Хазиной). Такое решение приняла комиссия горсовета, не сообщив, впрочем, о сроках его реализации.

Памятная табличка должна появиться в самом сердце Киева — на фасаде дома по улице Марии Заньковецкой, 3/1, где супруги Мандельштам останавливались в 1920-х годах.

Киев для великого поэта — знаковый город. Именно здесь в знаменитой кафешке Х.Л.А.М. (Художники-Литераторы-Артисты-Музыканты) 1 мая 1919 года 20-летняя художница Надя Хазина встретила 29-летнего Осипа Мандельштама, который вскоре стал ее мужем.

Осип Мандельштам

Надежда Хазина

В мае 1926-го Осип Эмильевич пишет очерк «Киев», тонко уловив «еврейские» интонации тогдашнего города. Отрывки из этого небольшого произведения мы предлагаем сегодня вашему вниманию:

Самый живучий город Украины. Стоят каштаны в свечках — розово-желтых, хлопущках-султанах. Молодые дамы в контрабандных шелковых жакетах. Погромный липовый пух в нервическом майском воздухе. Глазастые большеротые дети. Уличный сапожник работает под липами жизнерадостно и ритмично... Старые «молочарни», где северные пришельцы заедали простоквашей и пышками гром петлюровских пушек, все еще на местах. Они еще помнят последнего киевского сноба, который ходил по Крещатику в панические дни в лаковых туфлях-лодочках и с клетчатым пледом, разговаривая на самом вежливом птичьем языке. И помнят Гришеньку Рабиновича, биллиардного мазчика из петербургского кафе «Рейтер», которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции.

Магазин Сорабкоп, Киев, 1920-е

<...> Слышу под ногами какое-то бормотание. Это хедер? Нет... Молитвенный дом в подвале. Сотня почтенных мужей в полосатых талесах разместилась как школьники за желтыми, тесными партами. Никто не обращает на них внимание. Сюда бы художника Шагала!

<...> Киевляне гордятся: все к ним приехали! В городе сразу: настоящий джазбанд, Еврейский Камерный из Москвы, Мейерхольд и Дуров, не говоря уже о других.

<...> Киев коллегии Павла Галагана, губернатора Фундукля, Киев лесковских анекдотов и чаепитий в липовом саду вкраплен здесь и там в окружную советскую столицу. Есть горбатые сложные проходные дворы, пустыри и просеки среди камня, и внимательный прохожий, заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную вечерю еврейской семьи — булку-халу, селедку и чай на столе.

<...> Странное и горькое впечатление от нынешнего Киева. Необычайно по-прежнему жизнелюбие маленьких людей и глубока их беспомощность. У города большая и живучая коллективная душа. Глубоким тройным дыханием дышит украино-еврейско-русский город (по результатам переписи 1926 года в

Киеве проживало 494 108 человек 46 национальностей, из них украинцев — 43%, евреев — 28%, русских — 25%, — прим. ред.).

Дом на Заньковецкой, 3/1, где останавливались супруги Мандельштам

В ноябре 1933 года Осип Мандельштам пишет [антисталинскую](#) эпиграмму «[Мы живём, под собою не чуя страны](#)», которую читает полтора десяткам человек. [Борис Пастернак](#) называл этот поступок самоубийством.

После второго ареста, 27 декабря 1938 года, поэт скончался в пересыльном лагере во Владивостоке. Тело Мандельштама несколько месяцев лежало непогребенным, а затем весь «зимний штабель», то есть всех заключенных, не переживших зиму, похоронили в братской могиле...